

Социальный эгоцентризм как компонент подростковой девиантности

А.В. Фокина

Статья посвящена исследованию специфики восприятия социального мира и себя в нем у девиантных подростков. Показано наличие специфики в восприятии и оценке девиантными подростками собственной личности, отношения окружающих к себе, системы общественных санкций. Установлено, что выявленные особенности обладают общим качеством – несоответствием собственных представлений субъекта представлениям социума. Система оценок какого-либо явления, субъекта, события у девиантных подростков происходит по критериям, не совпадающим с общественными и являющимся узкосубъективными, не ориентированными на социальные ценности и нормы. Поэтому эти особенности рассматриваются как проявления социального эгоцентризма, действующего в сфере социальных взаимоотношений и определяющего социальную некомпетентность индивида. В работе показано значение социального эгоцентризма как фактора, влияющего на формирование, развитие и протекание девиантного поведения. Важность исследований в данной области обусловлена возможностью рассмотрения социального эгоцентризма не только как специфической особенности девиантных подростков, но и как объекта воздействия при работе с ними.

Ключевые слова: девиантные подростки; специфика социального восприятия; социальный эгоцентризм.

Проблема подростковой девиантности является одной из актуальных проблем возрастной психологии. Рост масштабов преступности несовершеннолетних, трудности коррекции девиантного поведения, наличие множества теоретических концепций обуславливают особый интерес к изучению этого явления. В исследованиях девиантного поведения подростков значительное место отводится изучению причин, условий его возникновения и развития, предупреждения и преодоления. Среди основных факторов, приводящих к девиантности, традиционно выделяются влияние наследственно-биологических факторов,

ближайшего социального окружения подростка, его личностные характеристики, особенности правосознания и морально-волевого развития [1, 2, 3, 6, 7, 10, 12]. Следует также отметить особую подверженность подростков нервным и психическим нарушениям, связанную с возрастным кризисом [8, 9, 11, 19].

Важным направлением изучения подростковой асоциальности является анализ психологических особенностей девиантного подростка. Эти особенности относятся как к собственно психологическим качествам субъекта (уровень агрессии, характеристики эмоциональной и волевой сферы и тому

подобное) [1, 2, 3, 6, 7, 12], так и к системе социально-психологических качеств (направленность личности, особенности коммуникативного стиля, уровень конформности, принадлежность к неформальным группам асоциальной направленности) [2, 4, 7].

Целью нашего исследования были описание и анализ специфики восприятия системы социальных отношений и явлений девиантными подростками. Мы исходили из гипотезы о наличии у таких подростков специфического искажения, эгоцентризма в восприятии социального мира и себя в нем. Выбор и актуальность направления исследования обусловлены следующими факторами:

1) одной из психологических задач подросткового возраста является социализация, формирование способности активного и компетентного вхождения в жизнь общества. Процесс социализации должен включать воспитание социальной ответственности – осознания необходимости соблюдения социальных норм. Условием нормальной социализации является наличие адекватных представлений о системе социальных норм, ценностей, правил;

2) девиантность носит как индивидуально-психологический, так и социальный характер. Патогенный вклад социальных факторов в возникновение девиантности весьма значителен, что определяет значимость исследования «социального самочувствия» девиантных подростков;

3) особенности восприятия социального мира, норм, правил, собственного места в системе общественных отношений могут служить объектом не только исследования, но и воздействия при психологической работе с девиантными подростками.

Эмпирическое исследование, проведенное нами, было нацелено на изучение специфических особенностей восприятия системы социальных явлений и отношений девиантными подростками. В данном исследовании была проанализирована *специфика*:

представлений девиантных подростков о собственных значимых психологических качествах, наиболее существенно влияющих на восприятие их социумом;

представлений девиантных подростков об адекватности собственного поведения социальным нормам и требованиям;

оценки девиантными подростками объективности социальных санкций.

Кроме того, особенности психологического статуса девиантных подростков были рассмотрены и в иных сферах.

Исследуя названные особенности, мы использовали материалы собственных психологических обследований девиантных подростков, бесед с педагогами и администрацией школ, представителями органов милиции и комиссии по делам несовершеннолетних. При написании данной статьи были использованы результаты исследования московских подростков, жителей Южного административного округа, в возрасте от 13 до 17 лет.

Проведенный анализ позволил выделить некоторые общие особенности, характерные для девиантных подростков.

Результаты исследования

Некоторые психологические особенности девиантных подростков.

Семейное неблагополучие. Влияние семьи как одного из важнейших факторов формирования и закрепления девиантности показано во многих исследованиях отечественных и зарубежных психологов [1, 2, 5, 7, 12]. Диапазон нарушений детско-родительских отношений очень широк, что отмечено и в теоретических работах, и в практических исследованиях. Опишем наиболее часто встречающиеся в нашей практике нарушения семейных отношений. Первое из них – это *гипопротекция* и фактическая *безнадзорность* детей. Одна из наблюдаемых нами девочек, Ольга М., уже с 8 лет не только находилась без внимания со стороны матери, но и сама выполняла всю работу по хозяйству, следила за младшими детьми, пыталась зарабатывать деньги. Мать Ольги не появлялась дома неделями, а появившись, часто была пьяна, детьми и домом не занималась. Ольгино отсутствие дома целыми сутками она даже поощряла, поскольку это освобождало ее от многих бытовых проблем.

Другой пример. Родители подростка Алексея З. с начала обучения его в средней школе практически не уделяли ему внимания. Подросток иногда неделями не появлялся дома, ночевал в компьютерных

клубах или подъездах. Родители не приняли никаких мер и спокойно восприняли уход Алексея из дома и его сожительство с бывшим заключенным.

Гипопротекция была отмечена нами в большинстве случаев, причем она встречалась и в явной форме, как в описанных выше примерах, так и в скрытой. К примеру, семиклассник Марк К. находился в семье, но при этом мать не уделяла внимания ни его обучению, допуская неоднократное повторное обучение сына, ни воспитанию и организации его досуга. Мать не имела представления об интересах и увлечениях ребенка, о компании его друзей. Сын никогда не обсуждал с ней своих переживаний. В семье не было ни одного вида совместной деятельности ребенка и матери.

Описание всего многообразия гипопротекции не является целью настоящей работы. Скажем только, что гипопротекция во многих случаях носила хронический характер и не сменялась иным отношением к ребенку даже при возникновении чрезвычайных ситуаций (уходы из дома, совершение краж, угонов, ранние сексуальные связи и т. д.).

В ряде случаев мы наблюдали ситуации *гиперпротекции*.

Мать одного из подростков, Александра Н., чья гиперпротекция в отношении сына была осложнена отсутствием доверия к нему, следила за сыном, вечерами подбираясь к его компании и наблюдая за ним. Она прослушивала его телефонные разговоры, старалась не отпускать его никуда из дому, даже запретила занятия футболом и картингом, так как секции находились около других станций метро. Мать девятиклассника Антона Б. отпускала его на улицу к друзьям, в магазин или на футбол на строго определенное время и за задержку даже на 5 минут жестоко наказывала сына. Если ей самой приходилось на день или больше уезжать из дому, она закрывала Антона в квартире, не оставляя ему ключей. Она требовала от сына подробных отчетов о его времяпрепровождении, постоянно звонила его друзьям, уточняя, там ли находится Антон. Мать выбирала для сына не только одежду, обувь, парфюмерию и тому подобное, но и книги, телепере-

дачи; составляла подробные планы его занятий на каждый день. Доминирующая гиперпротекция в этих случаях сочеталась со скрытым неприятием ребенка, выражающимся в недоверии к нему, отсутствии интереса к его жизни, игнорировании его потребностей, жестком навязывании ему собственных точек зрения и установок.

Скрытое или явное *непринятие* ребенка было частым явлением в семьях девиантных подростков. Так, мать Юрия П. хотела прервать беременность; после рождения ребенка не уделяла ему внимания, считала дебилом и уродом, часто избивала, пыталась отдать его своей матери, отправить в интернат. Мать другого подростка – Антона Б. постоянно критиковала сына за успеваемость, хотя он считался одним из самых способных к точным наукам в классе; утверждала, что он взял самое худшее от нее и отца, хотя подросток пользовался почетом, опоздать, бросить ходить. В последнее время старается не пропускать занятия, перед важными моментами обязательно рано ложится спать, настраивается, следит, чтобы форма была в порядке. Ирина К. (10,7 года) больше всего, что он не обладает ни одним ценным качеством.

В большинстве случаев при анализе анамнестических данных девиантных подростков было выявлено, что неприятие их родителями начиналось с этапа беременности – часто нежелательной, несвоевременной – и не было скорректировано по ходу развития ребенка. К началу подросткового возраста оно принимало черты устойчивого некорректируемого негативно-критического отношения к ребенку. Вообще, неприятие ребенка было так же широко распространено, как и гипопротекция, причем часто в одной семье встречались оба этих фактора.

Общими для всех рассмотренных нами случаев оказались *отсутствие подлинного эмоционального контакта* подростка с родителями (это проявлялось в недоверии, отсутствии взаимопонимания, неумении найти общие интересы с одним или обоими родителями, отсутствии совместного досуга семьи), *психологическая разобщенность, конфликтность* семей. Многие подростки и их родители говорили о том, что

не понимают друг друга, не находят ни одной темы для разговора или повода для какой-то совместной деятельности. Кроме того, со стороны подростков нередко проявлялась ненависть к одному или обоим родителям, часто оборачивавшаяся крайне агрессивными действиями. Так, Марат А., семиклассник, пытался убить свою бабушку, причем надеялся обставить дело так, чтобы за убийство посадили его отца. Другой подросток, Станислав П., неоднократно дрался со своим отцом, говорил, что мечтает убить его. Шестиклассница Ольга М. пыталась зарезать свою мать ножницами за то, что та накануне устроила ей скандал.

Для родителей девиантных подростков часто характерна *неадекватность требований и санкций* в отношении детей. Это проявлялось в двух крайних формах – или в полном отсутствии требований к ребенку, связанном с общей гипопротекцией, или в излишне жесткой, негибкой и неадекватной возрастным и индивидуальным особенностям подростка системе требований. Некоторые подростки были вынуждены брать на себя обязанности родителей. Например, упомянутой ранее Ольге М. приходилось заниматься воспитанием и уходом за младшим братом начиная примерно с его годовалого возраста. Чаян Ч. сам в течение нескольких лет (начиная с пятого класса) готовил себе еду, старался зарабатывать на одежду и т. д. Нередко система требований родителей приобретала искаженный характер. Так, мать девятиклассника Антона Б. требовала от сына отличной успеваемости по всем предметам, заставляла читать энциклопедию. Искорженные требования распространялись и на иные сферы жизни подростка. К примеру, мать заставляла его гладить шнурки, «чтобы легче проскакивали»; не объясняя мотива, запрещала сыну, увлеченному и успешному в спорте, заниматься в спортивных секциях.

Таким образом, нарушения в системе семейного воспитания наблюдались нами во всех семьях девиантных подростков; отличались они лишь конкретными проявлениями и степенью выраженности. При этом

не было ни одной семьи, в которой детско-родительские отношения можно считать благополучными.

Следующей характерной особенностью наблюдаемых нами подростков была *педагогическая запущенность*. При сохраненных интеллектуальных способностях* большинство наблюдаемых нами подростков обладали крайне скудными знаниями по всем школьным предметам; их учебные навыки находились на самом низком уровне (девятиклассник Андрей М., до VI класса не просто блестяще успевавший, но являвшийся победителем многих окружных олимпиад, к IX классу не мог решить ни одного задания из курса точных наук, изучавшихся им в VII–IX классах, не владел знаниями по гуманитарным предметам. Ольга М., тринадцатилетняя шестиклассница, с трудом читала и считала). Важно отметить, что на момент рассмотрения случая педагогическая запущенность скорее выступала уже как результат, следствие многих проблем. Считая педагогическую запущенность одним из важнейших факторов формирования и закрепления девиантного поведения, мы имеем в виду следующее. Все описанные нами подростки оказывались в ситуации, когда при возникновении первых трудностей педагога, а часто и родители переставали уделять им внимание и оказывать помощь в освоении учебной программы. Большинство подростков попадали в слабые классы, где требования к обучению и дисциплине были минимальны; не вовлекались во внеучебную познавательную или социально приемлемую деятельность. Мерой коррекции неуспеваемости часто становилось повторное обучение, причем иногда ситуация доходила до абсурда. Так, один из подростков, Илья Б., в 15 лет не закончил VI класс; другой в том же возрасте заканчивал лишь II класс. Во многих случаях подростки собирались в класс, к которому педагоги не предъявляли никаких требований и, по сути, не проводили никакого обучения, минимизируя также требования к дисциплине. Таким образом, в момент, когда подростки сталкивались с препятствиями на пути успешной социализации

* В нашем исследовании принимали участие лишь интеллектуально сохраненные подростки.

зации (в виде учебных и дисциплинарных трудностей), их проблемы не решались – подростки оказывались в ситуации снижения требований, а не развития и коррекции трудностей.

Малая вовлеченность во внеучебную социально одобряемую деятельность дополняла в большинстве случаев педагогическую запущенность подростков. Многие подростки, рассмотренные нами в данном исследовании, не имели возможности реализовать себя ни в сфере учебной деятельности (в силу педзапущенности, невысокого интеллекта и т. п.), ни во внеучебных видах деятельности. Препятствием для включения этих подростков в социально одобряемую деятельность часто было их ближайшее окружение – родители, иногда педагоги. К примеру, в качестве наказания за плохую успеваемость родители Сергея Л. запретили ему посещать секцию футбола, где он считался одним из самых способных и перспективных игроков. Когда срок «наказания» истек, Сергей сам решил не возвращаться, так как многое пропустил и оказался бы в младшей группе, в которой заниматься не хотел. Мать Антона Б. запрещала сыну посещать спортивные секции и внеклассные мероприятия в школе, мотивируя это тем, что он их не заслужил. Многих девиантных подростков педагоги не допускали к участию в школьных праздниках и других мероприятиях; нередко учителя изолировали «трудных» учеников, не давая им возможности проявить себя, взаимодействовать с нормально социализированными сверстниками. Очень часто лишение права посещения спортивной или иной секции рассматривалось родителями и педагогами как лучший способ борьбы с нежелательным поведением ребенка. Таким образом, девиантный подросток часто оказывался в некой социальной изоляции, ситуации хронического глобального неуспеха в разных социально одобряемых видах деятельности. Поэтому присоединение к асоциальной группе сверстников становилось для подростков способом включения в общение со сверстниками, в совме-

стную деятельность с ними, возможностью организации досуга, получения нового опыта, положительных эмоциональных состояний.

Коммуникативные трудности, малая вовлеченность в неформальные подростковые группы просоциальной направленности. Этот фактор близок к названному выше. В наблюдаемых нами случаях часто складывалась ситуация, когда подросток в силу тех или иных особенностей не был включен в общение со сверстниками. В начальной школе и V–VI классах это было следствием негативной оценки подростка педагогами, нередко прямыми запретами на общение других детей с ним (первая учительница Александра А. на классном часе запретила ученикам общаться с Александром, называла его психом, грязным и т. п.). Часто из-за нескрываемого негативного отношения педагогов за подростком закреплялось некое клеймо. В средней школе немалую роль в потере контактов с просоциальными группами играли и индивидуальные особенности подростков – от внешней неопрятности и неухоженности до грубости, агрессивности, малой коммуникабельности. Лишь в немногих случаях девиантные подростки пользовались авторитетом среди социально успешных сверстников. Поэтому в большинстве случаев присоединение к асоциальной группе становилось вариантом приобретения относительно стабильного круга общения со сверстниками, имеющими к тому же сходные проблемы, интересы, взгляды на мир. Нередко присоединение к асоциальной группе становилось способом получения подростком социального признания, которого в просоциальных группах он не имел. Так, восьмиклассник Павел Д. лишь в асоциальной компании заслужил одобрение сверстников – за физическую силу и умение драться, проявленные им на подростковой «стрелке». Другой подросток, девятиклассник Андрей М., добился лидерской позиции в классе* за счет связей с криминальной компанией – демонстрировал оружие, пытался втянуть сверстников в тор-

---

* Отметим, что класс Андрея М. считался одним из самых неблагополучных за всю историю школы, поэтому большинством подростков принадлежность к криминальной субкультуре воспринималась как критерий престижа.

говлю наркотиками, рассказывал о рэкрете, кражах, «разборках» и т. п.

Важной особенностью девиантных подростков, также многократно рассмотренной в теоретических и практических исследованиях, является *выраженность агрессии* [1, 2, 3, 7, 12, 18 и др.]. Помимо наличия выраженных агрессивных тенденций для девиантных подростков характерна одна важная особенность. Вербальная и физическая агрессия большинством таких подростков рассматривается как абсолютно приемлемый, удобный и эффективный способ разрешения конфликтов, достижения своих целей и т. п., а агрессивные способы поведения – как показатель взрослости, мужественности, принадлежности к некоторой референтной для них группе. Павел Д., к примеру, считал свое участие в подростковых «стрелках» показателем признания его «крутыми» сверстниками, на которых он мечтал быть похожим. Другой подросток, Андрей М., свою принадлежность к криминальной группе воспринимал как достижение значительного жизненного успеха. Денис П., восьмиклассник, собирался после окончания школы отучиться в колледже МВД и, обладая достаточными умениями, попасть в банду, что рассматривалось им как лучший способ получения материальных благ.

Атрибутивный тип взросления, подражание внешним малозначительным признакам взрослости наблюдались нами у всех девиантных подростков. Эмансипация и взросление оценивались ими как наличие специфических стилей времяпрепровождения, привычек и даже одежды, общения со сверстниками и взрослыми (алкоголь, курение, посещение компьютерных и танцевальных клубов в течение ночи, участие в подростковых, сходных с криминальными, «дележах» территорий района, грубость и неподчинение педагогам и родителям, нередко – ранние половые связи). Во многих случаях это качество сочеталось с наличием своеобразных представлений о некотором образце мужественности (женственности). Так, Ольга М., неумеренно пользовавшаяся косметикой, вступавшая в связи со значительно более старшими молодыми людьми, много курившая и т. п.,

считала все эти факты показателем собственной современности и популярности. Часто девиантные подростки показателями мужественности считали умение драться, курение и употребление алкоголя, приводы в милицию и т. п.

Специфическая система норм и ценностей, неразвитость нравственно-правового сознания также описываются в психологической литературе [3, 4, 7, 12, 18]. Для многих девиантных подростков характерен низкий уровень морально-правового сознания. Даже такие антиобщественные деяния, как кражи, убийства, некоторыми подростками рассматриваются как допустимые и даже предпочтительные. К примеру, восьмиклассник Денис П. собирается поступить в колледж ОВД для того, чтобы научиться «приемам, как убивать», и благодаря этому легко попасть в банду. Другой подросток, Юрий П., совершив со сверстниками ограбление квартиры, не считал это серьезным преступлением – «мы же не всё взяли». Описанные нами ранее подростки Ольга М. и Марат А. полагали, что попытки убийства своих родственников не являются каким-то чрезвычайным событием, оправдывая их или тем, что мать была слишком строгой (Ольга М.), или тем, что отец заставил мать уйти из семьи (Марат А.). Тот же Марат А. пытался зарезать подростка из параллельного класса, который «достал его обзывательствами». Андрей М. украл и продал многие фамильные украшения матери, так как «родители не давали денег на посещение бара с приятелями».

Таким образом, девиантные подростки часто демонстрируют неразвитые и искаженные представления о моральных нормах и необходимости их соблюдения. Это касается не только описанного нами отношения к кражам или убийству, но и дисциплины, взаимоотношений с родителями и сверстниками и т. п.

Для наблюдаемых нами девиантных подростков типичной оказалась *специфическая оценка собственной личности*. У девиантных подростков в ряде случаев мы отметили неадекватное оценивание собственных физических и психологических качеств. При этом неадекватная оценка физических качеств встречалась примерно в

трети случаев (например, астеничный, очень худощавый Азад Ч. считал себя толстым; Андрей Н. был уверен, что все обращают внимание на его зубы и восхищаются ими, хотя именно из-за зубов и улыбки он имел кличку Заяц и для многих сверстников это было предметом насмешек); искажение представлений о собственных психологических особенностях было отмечено во всех наблюдаемых нами случаях. Для девиантных подростков характерны переоценивание собственных социально малозначимых качеств, демонстрация их, приписывание им решающего значения в формировании оценки со стороны окружающих. Так, Максим К., девятиклассник, крайне наивный и инфантильный во многих вопросах (он, например, охотно брал на себя вину за совершение краж), считал, что имеет кличку Лопух и соответствующее отношение сверстников из-за отсутствия у него некоторых особо модных вещей, дорогого телефона и т. п. Он же, пряча у себя дома вещи, украденные другими подростками, думал, что это позволит ему стать неким криминальным авторитетом. Другой подросток, Станислав П., гордился тем, что, «выдерживая характер», мог ударить учителя, полезть в драку с охранником, считая это показателем собственной смелости и непоколебимости. При этом реально социально значимые качества девиантными подростками мало принимаются во внимание; происходит как бы их игнорирование, которое, вероятно, носит защитный характер (девиантные подростки не считают дисциплинарные трудности, противозаконные действия, низкую успеваемость, асоциальность важными с точки зрения общественной оценки).

Таким образом, построение образа Я, представлений о себе у девиантных подростков обнаруживает некоторую специфику: переоценка малозначимых с точки зрения социума качеств в сочетании с недооценкой социально значимых.

У девиантных подростков мы отметили также наличие *специфической оценки системы общественных санкций*. Воспитательные воздействия девиантными подростками воспринимались как несправедливые и незаслуженные. Все наблюдаемые

нами подростки считали, что педагоги, социальные работники, родители излишне критичны к ним и наказывают незаслуженно. Так, Максим К., пытавшийся задушить одноклассницу, требовал, чтобы и девочка была наказана, так как «она тоже обзывалась». Антон Т., шестиклассник, считавшийся самым «трудным» учеником в параллели, утверждал, что «остальные еще хуже». Павел Д., в течение многих месяцев не посещавший школу, считал, что «ничего плохого он не делал». Сергей А., восьмиклассник, на педсовете на все замечания педагогов отвечал, что его зря ругают: «Я же не балуюсь тут вам, вот если б я баловался, стекла бил, например, тогда понятно». Алексей З., появившийся в школе не чаще 10–15 раз в течение учебного года, участник краж, сожительствовавший с бывшим уголовником, считал своим основным недостатком курение и воспринимал педагогов школы как заранее настроенных против него и крайне недоброжелательных. Помимо оценки воспитательных мер и санкций как незаслуженных и несправедливых для девиантных подростков оказалось характерным понимание наказания не как следствия нарушения системы общественных норм и правил, а как следствия иных причин, часто не имеющих отношения к реальной ситуации. Так, Чаян Ч. считал, что его в школе «притесняют по национальному признаку», так как он тувинец; Александр А., попавший в милицию за участие в угоне, был уверен, что это попытка директора избавиться от «неудобного ученика»; Сергей Л. объяснял конфликты с педагогами тем, что его родители дворники и за это педагоги презируют его. Таким образом, восприятие воспитательных санкций девиантными подростками обнаруживает две специфические особенности: непонимание заслуженности и справедливости наказания и искаженные представления о причинах, его вызвавших.

Помимо названных выше особенностей для девиантных подростков характерна *специфическая оценка отношения окружающих к себе*. Это проявлялось как в преувеличении негативного или позитивного отношения, так и в искаженном представлении о наиболее значимых чертах их об-

паза в глазах окружающих. Александр А., например, утверждал, что вся школа его «травит», что его ненавидят все старшеклассники, в то время как в школе реально был незаметен и никто им не интересовался. Ольга М., напротив, была убеждена в том, что очень популярна среди мальчиков, а девочки младше ее подражают ей во всем, хотя реально она была в числе «изгоев». Андрей М., попавший в криминальную компанию, утверждал, что вся школа его боится и он может решить любой конфликт, даже предлагал помощь некоторым учителям школы в решении их проблем. Девиантные подростки считали, что пользуются несравненно большим авторитетом и уважением, чем в реальности. Вероятно, это явление в определенной мере носит защитный характер и порождено неудовлетворенностью реальной системой взаимоотношений с окружающими.

Обсуждение результатов исследования

Описанные нами психологические особенности не исчерпывают всего многообразия и сложности специфики психологического статуса девиантных подростков. Мы постарались сделать акцент на наиболее значимых качествах. В целом исследование особенностей девиантных подростков позволило нам описать наличие у них выраженного психологического неблагополучия в сфере социальных отношений. Это касается семейных отношений, отношений с педагогами и сверстниками, а также с социальным миром в целом.

Основными компонентами проблемы являются:

отсутствие психологического благополучия в семье и ближайшем окружении;

низкая степень включенности в социально одобряемую деятельность и просоциальные группы сверстников;

неадекватность представлений о системе общественных отношений, норм, правил и санкций;

искаженные представления о собственной личности и оценке ее социумом.

Поставленная в работе гипотеза о наличии специфического искажения в восприятии социального мира получила подтверждение. Это искажение проявляется

в следующих основных психологических особенностях, характерных для девиантных подростков:

1. Девиантные подростки обнаруживают искажение представлений о себе – неадекватное оценивание собственных физических и психологических качеств. Для них характерны переоценивание собственных социально малозначимых качеств и недифференцированность подобной самооценки от оценки, осуществляемой социумом. При этом реально социально значимые качества недостаточно учитываются в образе Я. Девиантные подростки обнаруживают неадекватные представления о собственной личности и поведении, мало согласующиеся с их оценкой со стороны социума.

2. Девиантные подростки в силу специфики понимания социальных отношений и явлений обнаруживают «социальную нескритичность»: собственное поведение оценивают как нормальное, соответствующее требованиям общества, а негативную его оценку – как несправедливое отношение к себе, зачастую продуцированное объективно малозначимыми для окружающих качествами.

3. Девиантные подростки демонстрируют специфическое понимание общественных норм и ценностей. Это проявляется в наличии у них системы ценностей и норм поведения, мало ориентированных на общественную; в игнорировании принятых норм и правил в случае, если они мешают достижению поставленной цели.

Особое внимание в настоящей статье мы хотим обратить на наличие специфических искажений в восприятии и оценке собственной личности, отношения окружающих к себе, системы общественных санкций.

Эти описанные нами черты объединяются некоторым общим качеством – несоответствием собственных представлений субъекта представлениям социума. В силу разных причин система оценок какого-либо явления, субъекта, события у девиантных подростков происходит по критериям, не совпадающим с общественными и являющимся узкосубъективными, не ориентированными на социальные ценности и нормы. Поэтому мы рассматриваем эти особенности как проявления некоторого

социального эгоцентризма, действующего в сфере социальных взаимоотношений и определяющего социальную некомпетентность индивида. В психологии понятие эгоцентризма предполагает именно несоответствие представлений субъекта объективному положению вещей; его неумение принять и понять точку зрения, не совпадающую с его собственной [13, 14, 15, 16, 17, 20].

Как было показано в настоящей работе, девиантные подростки не просто социально некомпетентны, для них характерно искажение представлений, связанных с различными аспектами социальных отношений и взаимодействий. Крайний субъективизм, инфантильность, оторванность от реальности социальных представлений девиантных подростков, на наш взгляд, позволяют считать их проявлениями эгоцентризма, названного здесь социальным из-за его распространения на мир социальных явлений.

Социальный эгоцентризм как компонент подростковой девиантности имеет определенные особенности. Любая социальная некомпетентность служит неким predisposing фактором, способным спровоцировать асоциальность. Искажение представлений о социуме (социальный эгоцентризм) в каждом конкретном случае может служить одной из причин, приводящих к ощущению собственной социальной некомпетентности и неуспешности у подростка. В то же время социальный эгоцентризм, на наш взгляд, не является неким застывшим, статичным феноменом. Он развивается вместе с развитием асоциальности, генерализуется, обуславливает дальнейшую, все большую социальную некомпетентность и неадекватность поведения. Можно предположить, что важным фактором возникновения специфических эгоцентрических искажений служит некий защитный механизм, срабатывающий в результате того, что подросток по тем или иным причинам ощущает себя социально неуспешным. Девиантные подростки приходят к искажению представлений о себе, пытаясь достичь социального одобрения за счет малозначимых и неадекватных этой задаче качеств. Искажаются и пред-

ставления об общественных нормах, санкциях, требованиях, об оценке себя окружающими. Столкновение с затруднениями на пути успешной социализации, неполноценностью – реальной или воображаемой – собственных социально значимых качеств порождает специфическое искажение восприятия многих характеристик системы общественных отношений.

Безусловно, девиантное поведение подростков заслуживает дальнейшего изучения. Важность продолжения исследований в данной области обусловлена возможностью рассмотрения социального эгоцентризма не только как специфической особенности девиантных подростков, но и как объекта воздействия при психологической работе с ними.

Литература

1. Айхорн А. Трудный подросток. М., 2001.
2. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999.
3. Балабанова Л.М. Судебная психопатология (вопросы определения нормы и отклонений). Дубна, 1998.
4. Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. М.; Воронеж, 2002.
5. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
6. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1999.
7. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб., 2000.
8. Выготский Л.С. Педология подростка // Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4.
9. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.
10. Каминер А.М., Майорова Е.А. Психолого-педагогические аспекты девиантного поведения подростков и молодежи. М., 2003.
11. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / Под ред. В. А. Гурьевой. М., 2001.
12. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М., 2000.
13. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
14. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М., 1995.

15. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды: Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М., 1968.
16. *Пиаже Ж.* Суждение и рассуждение ребенка. СПб., 1997.
17. *Пиаже Ж., Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. М., 2002.
18. *Ремшмидт Х.* Детская и подростковая психиатрия. М., 2001.
19. *Сухарева Г.Е.* Значение возрастных особенностей детей и подростков в клинике психических заболеваний // Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия: В 2 т. Т. 1. М., 2002.
20. *Флейвелл Д.Х.* Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967.